

18+

**Психоанализ:
на любителя**
**Вводный курс
в историю и теорию
психоанализа**
Мария Чершинцева

НА ГРАНИ ЛИЧНОСТИ

Мария Чершинцева
Психоанализ: на любителя.
Вводный курс в историю
и теорию психоанализа
Серия «На грани личности.
Российская психология»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73950367

*Психоанализ. на любителя. Вводный курс в историю и теорию психоанализа: КоЛибри, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-32982-9*

Аннотация

«Психоанализ: на любителя» – это живой и доступный проводник в причудливый мир психоанализа. Автор приглашает читателя в увлекательное путешествие – от истоков учения Зигмунда Фрейда до современных ветвей этого метода. Без излишнего упрощения, но ясно и образно, в книге раскрываются ключевые концепции: бессознательное, эдипов комплекс, динамика влечений, природа сновидений и механизмы психологических защит.

Мария Чершинцева не только излагает теорию, но и рассказывает драматичную историю становления психоанализа

через судьбы его основателей и последователей – Фрейда, Юнга, Кляйн, Винникотта, Лакана и других. Книга отвечает на самые частые и неудобные вопросы: что на самом деле происходит на кушетке аналитика, зачем нужны строгие правила терапии и почему этот метод одновременно притягивает и вызывает сопротивление.

Это издание о бесконечном искусстве и исследовании внутреннего мира, о пути к обретению подлинной внутренней свободы через слово, фантазию и отношения.

Содержание

Введение	8
Говорить свободно	8
I. Экспедиция за золотом бессознательного	22
Пунктир	22
В память об отце: горе, эдипов комплекс и сублимация	30
Психоанализ в лоне истерии	42
И сном окружена...[43]	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мария Чершинцева

Психоанализ: на любителя.

**Вводный курс в историю
и теорию психоанализа**

© Чершинцева Мария, 2026

© Пахлавуни Д. А., фотография на обороте обложки

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

* * *

НА ГРАНИ ЛИЧНОСТИ

Психоанализ: *на любителя*

Мария Чершинцева

*С благодарностью моему психологу, – без Вас я
не нашла бы единственно верного пути*

*С благодарностью моему психоаналитику, —
без Вас я не научилась бы говорить так, чтобы
меня понимали*

Введение

Говорить свободно

Как говорить о психоанализе, настолько сложном и довольно-таки закрытом методе, способе мышления, способе понимания человеческой психики? Психоанализ сложен неслучайно. Еще Фрейд, описывая максимально подробно изобретенный им метод, отмечал, что вместе с «появлением на свет» психоанализа родилось и сопротивление ему. Это объяснимо, ведь никто из нас не готов вдруг обнаружить свои потаенные конфликты и спрятанные, но причиняющие боль травмы. А как стало скоро известно, не только психоанализ на кушетке способен открыть к этим глубинам путь, но и поверхностное ознакомление с методом уже заставляет о многом задуматься, увидеть в себе и окружающих что-то, что потом довольно сложно «развидеть».

Но это еще не все: ладно бы речь шла о сознательном сопротивлении методу, которое можно преодолеть в дискуссии, но, открыв бессознательное, Фрейд встретился с бессознательным же сопротивлением аудитории, намного опережающим любое рациональное понимание предмета спора¹.

¹ Об этом Фрейд делает следующий вывод: «Таким образом, сопротивления

Если сейчас вам уже что-то кажется непонятным, то я могу успокоить вас тем, что дальше... вопросов будет еще больше!

Фрейд, как это уже сейчас ясно, был гением, но ему сильно не повезло с предметом своего исследования – вытесненными желаниями, страхами, инфантильными влечениями и конфликтами, которые он, с помощью «метода свободных ассоциаций», выводил, образно говоря, из темного подвала в освещенную светом разума и чисто прибранную гостиную сознания. Кому это могло понравиться и сколько мазохизма нужно, чтобы вынести такое знакомство с самим собой? Не от нечего делать мы прячем все, нарушающее хороший и культурный образ себя, в покрытый паутиной подвал.

против психоанализа были не интеллектуальной природы, а проистекали из аффективных источников. Этим объясняется их страстность и логическая недостаточность. Эта ситуация укладывается в простую формулу: люди в массе относятся к психоанализу так, как к нему относится в отдельности невротик, который лечится по поводу своих расстройств и которому с помощью терпеливой работы удалось показать, что все произошло именно так, как утверждал психоанализ. Ведь психоанализ не сам выдумал это, а узнал при изучении других невротиков в течение нескольких десятилетий. В этой ситуации есть одновременно и нечто пугающее, и нечто утешительное, первое – потому, что иметь в качестве пациента весь род людской – это не шутка; второе – потому, что в конце концов все произошло именно так, как оно должно было случиться согласно предположениям психоанализа» (Фрейд, З. Сопротивление против психоанализа (1925). Источник: Психоаналитические этюды: (Вопросы теории и практики психоанализа). Профессор Фрейд, Зигмунд (1856–1939) / Пер. с нем. и предисл. Я. М. Когана. Одесса, 1926. 80 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://freudproject.ru/?p=1598> (дата обращения: 17.10.2025). – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. авт.*

У Фрейда не было желания садировать² современников, выводя их на чистую воду. К нему приходили пациенты, страдающие от симптомов неясной этиологии. И так уж вышло, что в подвал мы отправляем не только поношенную одежду и чемоданы без ручки, еще мы прячем там призраков своего прошлого, не дающих нам в итоге спать по ночам грохотом цепей и завываниями. Осложняет дело и то, что мы напрочь забываем, как и кого отправили в этот злополучный подвал. «Охотник за привидениями» инфантильной сексуальности, Фрейд предложил свою помощь – за что, конечно, поплатился яростными нападками и на себя, и на метод. Психианализ не смог бы просуществовать так долго, если бы он не был эффективен и если бы до сих пор к терапевтам и психоаналитикам не приходили пациенты с таинственными симптомами, спектр которых велик, а объединяет то, что каждый из них портит нам жизнь по-своему. Что ж, видя излечивающихся в терапии и анализе людей, можно потерпеть и нападки.

Фрейд старался объяснить психоанализ максимально доступно, не только издавая работы для коллег-психоаналитиков, неврологов, психиатров, но и читая публичные лекции. Как только метод был презентован, признан и первые результаты его не заставили себя ждать (психоанализ стал успешным и популярным методом лечения неврозов, хотя споры

² Садировать – описательный психоаналитический термин, образованный от существительного «садизм». Садировать – значит направлять свое агрессивное, садистическое влечение на другого, причиняя ему вред – сознательно или бессознательно.

вокруг все равно оставались яркими), необходимость объяснять происходящее в кабинете психоаналитика простыми словами отпала. Наоборот, как это случается с каждой наукой, чей счастливый период детства прошел под опекой ее заботливого создателя, психоанализ вырос, и описательный аппарат метода только все более усложнялся за счет новых теорий и концепций. В конце концов его язык стал настолько сложным для непосвященного, что обошел сопротивление читателя простым отсеиванием: если вы не изучаете психоанализ, вы мало что поймете в специальной литературе, а если изучаете – то уже вряд ли сопротивляетесь методу как таковому, проходя в том числе личную терапию или анализ. Да, психоанализ тоже защищался интеллектуализацией, как это свойственно многим из нас, простым смертным.

Как же говорить о психоанализе сегодня и нужно ли это? С одной стороны, метод говорит сам за себя: интерес к психоанализу не угасает на протяжении более ста лет, из него выросли многие мировые психоаналитические, психотерапевтические школы и направления, вокруг него появляются новые смежные науки (такие, как нейропсихоанализ, к примеру). Доказывать значимость психоанализа точно не нужно. Однако актуальным остается и любопытство тех, кто не имеет (или пока не имеет) к психоанализу прямого отношения. Цивилизационное развитие не стоит на месте, и, возможно, сейчас настает время, когда о психоанализе можно

и даже нужно пробовать говорить свободно. В конце концов, это главное правило для тех, кто идет в терапию или ложится на кушетку. Как мне кажется, смелость последних заслуживает ответного жеста. Конечно, говорить свободно и просто о психоанализе невозможно без очевидного упрощения предмета разговора. Да простят меня старшие коллеги-психоаналитики, если какие-то разделы этой книги покажутся им не соответствующими высокому стилю психоаналитического языка и системы понятий. Будучи психоаналитическим психотерапевтом³, я, наверное, могу позволить себе бóльшую простоту формулировок, чем это возможно для классического психоаналитика, не стремящегося к доступной речи или делающего выбор в пользу молчания. Фрейд не пытался скрыть суть психоанализа, а, напротив, хотел сделать ее ясной для всех интересующихся – и профессионалов, и любителей. Получится ли в этой книге? Увидим.

Предваряя главы об основных идеях и концепциях психоанализа, нужно сказать несколько слов о психоаналитическом лечении, которое на сегодняшний день имеет разные формы, дать обзор и понимание отличий психоанализа, психоаналитической терапии и прочих видов психоаналитической помощи.

³ Я являюсь психоаналитическим психотерапевтом французского направления (французская школа психоанализа), потому в этой книге вы познакомитесь с психоаналитическими концепциями в основном в оптике французской школы.

Классический психоанализ⁴ происходит на кушетке от трех до шести дней в неделю (в зависимости от школы и направления). Это длительный метод, он продолжается от трех лет (минимум) до... бесконечности, ограниченной только длиной человеческой жизни (аналитика, равно как и анализанта). Обычно психоаналитик сидит за изголовьем кушетки и позволяет себе минимум слов (всего несколько, одно или вообще ни одного – ну не считая «здравствуйте» и «сеанс окончен») в течение сеанса, оставляя пространство для слов и фантазий анализанта. Только на некоторых, но далеко не на каждом, сеансах может прозвучать развернутая интерпретация чего-то, сказанного вами. Это очень важно – не видеть реакций психоаналитика и не слышать его мнения и соображений по поводу всего, что вы говорите, ведь только так вы оказываетесь полностью свободны в своих ассоциациях, фантазиях обо всем происходящем, в своем переносе и проекциях на аналитика, да и вообще – в своих суждениях по любому поводу. Свобода, как оказывается, довольно тяжело нам дается и вызывает сопротивление, не так ли? «За что тут платить? Неужели за молчание и возможность послушать самого себя?» Ничего не понятно, но, я надеюсь, вам хотя бы уже интересно, ведь десятилетия на кушетке провели такие люди, к примеру, как Вуди Аллен (23 года) и Бер-

⁴ Проводить классический психоанализ на кушетке могут только психоаналитики – кандидаты или члены Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). К сожалению, не каждый называющий себя психоаналитиком в действительности им является. «Остерегайтесь подделок!»

нардо Бертолуччи (39 лет). Что они там делали все это время? Конечно, такие длительные анализы – скорее исключение, чем правило, но вовсе не зря о психоанализе шутливо говорят: «Долго, больно, дорого» (и здесь только доля шутки, поверьте). Многие разделы этой книги будут посвящены тому, что на самом деле происходит на сеансе и о чем психоаналитик никогда вам не скажет, потому что иначе окажется плох в своем деле и непрофессионален. Промолчать и остаться тем, кого вы представили себе там, в остром моменте на сеансе (слишком умным, потому молчаливым, или бессердечным абсолютным идиотом, не способным ничего дельного сказать), – это вообще тяжелая работа, вы только задумайтесь.

Помимо классического психоанализа вы можете выбрать психоаналитическую психотерапию – сидя лицом к лицу. Здесь вы видите терапевта, и последний может позволить себе говорить чуть больше (но настолько, насколько это не противоречит психоаналитическому методу в целом), также оставляя большую часть пространства на сеансе для вас. Это тоже долгосрочная работа, занимающая обычно несколько лет, с частотой встреч один-два раза в неделю. Все основные приемы психоанализа задействованы и в психоаналитической терапии, поэтому терапевт будет так же внимателен к проявлениям вашего бессознательного, подсвечивая то, что остается в тени рефлекслирующего на актуальной поверхности событий сознания. Он будет говорить с вами о ваших

снах и переживаниях, связывая то, что могло остаться вами не замеченным. В терапии, так же как в анализе, основная ценность и собственно лечение состоят в живых терапевтических отношениях терапевта и пациента.

Психоанализ как метод используется во многих прикладных сферах. Так, вы можете встретиться с психоанализом искусства или психоанализом бизнес-процессов. Последний ближе к психоаналитическому коучингу, очень популярному сегодня направлению, опирающемуся на психодинамический подход. Не стоит пугаться этого словосочетания, поскольку смысл его сводится к простой идее Фрейда о динамичности психики и подвижности всех процессов в ней. Фрейд говорил о «психической экономике», распределяющей силу и соотношение влечений в отдельно взятой психике. Если мы понимаем, каковы субъективные психические опоры, конфликты и зоны травмы, стягивающие психические силы к себе, мы можем догадаться и о том, как именно, какими путями циркулируют влечения в психике и как это все влияет на события жизни. Чем-то психоаналитическая работа в целом, во всех своих ипостасях, напоминает то ли наблюдение за объектами дальнего космоса, то ли биологическое исследование под микроскопом – о чем, кстати, говорил сам Фрейд.

Идея о тождественности микро– и макропсихических процессов отражена в психоанализе групп, групповом психоанализе и психоаналитической психодраме. Не только от-

дельного человека, но и группу, общество мы можем рассмотреть в психоаналитическом ключе. Конечно, для этого необходимо глубокое понимание не только динамики влечений, но и работы проекции, как бы разворачивающей психику вовне. Особенно такое разворачивание изнутри наружу показательно в психоаналитической психодраме⁵, где несколько терапевтов разыгрывают на сеансе внутренние истории и конфликты одного пациента, не способного по каким-то причинам развивать и поддерживать свой «внутренний театр».

При всей многогранности и многопрофильности психоаналитического подхода важно понимать, что не всем, к примеру, подойдет классический психоанализ (кому-то он будет просто противопоказан), не каждому будет комфортно в психоаналитической терапии, кто-то остановится на психоаналитическом коучинге для решения того или иного узкого вопроса, а кто-то выберет вообще далекое от психоанализа направление. Это прекрасно, что видов психологической помощи сегодня очень много и есть из чего выбирать. Чтобы выбор пал на психоанализ, необходимо любопытство к этому методу, симпатия к глубинному исследованию внутренней жизни. Нужно позволить себе быть любителем психоанализа, любителем «долгих пеших прогулок» в бессознательное (в сопровождении довольно-таки молчаливого спут-

⁵ Не путать с другими видами психодрамы, основанными на психодраме Якоба Леви Морено, и с гипнодрамой.

ника), чтобы выдерживать длинную дистанцию этой работы с неослабевающим интересом к внутренним психическим процессам. Не каждый на это решится, но тот, кто решится, вряд ли пожалеет, поскольку психоанализ действительно меняет жизнь на глубоком уровне, в отличие от многих скорее «косметических» подходов. Долгосрочная психоаналитическая работа укрепляет фундамент и несущие конструкции вашего «дома»-психики (ну вы уже поняли: работа в подвале), а уж в какой цвет вам покрасить стены и как расставить мебель, вы решите без проблем сами.

Еще один важный аспект психоаналитической работы, который стоит отметить в предисловии к книге, – правила психоанализа, так называемый «кадр», или «сеттинг». Коль скоро мы говорим о «несущих конструкциях», становится очевидно, что для таких «манипуляций» и маневров нужна строгая и выверенная техника безопасности. Она существует, и о правилах прохождения анализа или терапии вам обязательно сообщит терапевт/аналитик на первичных встречах. Отнестись к ним нужно максимально серьезно, поскольку от этого зависит равновесие вашей психики, которая не должна случайно обрушиться в процессе. Основная нагрузка лежит здесь на плечах терапевта/аналитика и сводится к этике и технике работы. Но и вы вносите свой вклад. Собственно, от вас здесь потребуются всего две вещи: во-первых, говорить все, что приходит в голову, каким бы неважным, странным, случайным это вам ни казалось (главное правило

Фрейда)⁶, а во-вторых, приходиться на сеансы в оговоренный день, в оговоренное время или не приходиться, но оплачивать их так, как если бы вы пришли. С первым пунктом, я думаю, вопросов нет – для того чтобы попасть в бессознательное, каким-то образом дверь туда нужно открыть, и свободные ассоциации (просто любые ваши случайные, но на самом деле неслучайные мысли) – ключ к этой двери, наравне со снами («королевской дорогой к бессознательному»). Второй пункт обычно вызывает вопрос: «За что я плачу, если меня нет на сеансе?» Вопрос резонный, и вам, боюсь, придется прочесть всю книгу до конца, чтобы ответить на него. Но предварительно можно сказать, что такой вопрос возникает, если не понимать одной очень важной вещи. Любое строительство начинается с фундамента, а любая жизнь – с младенчества. Психоаналитическое лечение предполагает регресс, то есть возврат к самому началу, младенчеству. Для

⁶ О психоаналитическом пациенте Фрейд говорит: «Он должен все говорить, совершенно отказавшись от... критической выборки, все, что приходит ему в голову, даже если он считает это неправильным, не относящимся к делу, бессмысленным, и особенно в том случае, если ему неприятно занимать свое мышление подобной мыслью. Следуя этому правилу, мы обеспечиваем себя материалом, который наведет нас на след вытесненных комплексов» (*Фрейд*, 3. О психоанализе. Пять лекций, прочитанных в сентябре 1909 г. по случаю двадцатилетнего юбилея Университета Кларка в г. Вустере, штат Массачусетс, посвященных Стэнли Холлу. Опубликовано в Amer. Journ. of Psychology. Mar. 1910. Источник: История психологии (10–30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. 2-е изд. / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 207–243. [Электронный ресурс] // <https://freudproject.ru/?p=1166> (дата обращения: 17.10.2025).

нормального развития младенца нужны безопасная и непротиворечивая среда и помощь в выстраивании биологических и психических ритмов жизни. Если мать ведет себя спонтанно, долго отсутствует, путает младенца, не помогая понять, где день, где ночь (мы не рождаемся с этим пониманием, что очевидно), ему (его психическому фундаменту) будет нанесена травма. Если мать не может дать достаточно внимания младенцу, замещая заботу о нем чем-то или кем-то другим, – ему будет нанесена травма, он не сможет понять, если ли у него его законное место. Если мать будет полностью потакать младенцу, дальше – ребенку, как если бы она была роботом или его игрушкой, ему будет нанесена травма, он не узнает о том, что другие – тоже живые, что его власть и свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. И т. д. Вы имеете полное право прийти или не прийти на сеанс, но ваше место остается за вами, его никто не может занять, а аналитик или терапевт все равно посвятят это время вам, размышляя, вспоминая, что-то записывая. Время сеанса не продлевается и не укорачивается, поскольку ваша свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Вы платите за устойчивость всех ваших психических процессов, то есть в конечном счете – инвестируете в себя.

Кадр – гарант устойчивости вашего фундамента, поэтому он не может быть сильно плавающим. Кроме того, и это самое интересное, кадр – опора вашего сопротивления терапии или анализу, а без сопротивления, проверки на проч-

ность, невозможно выстроить достаточно крепкие и устойчивые аналитические отношения. Говорить все, что приходит в голову, – это не только делиться красочными образами фантазий и сновидений, это и сказать терапевту/аналитику вслух все, что вы о нем и его правилах в данный момент думаете. Как часто мы можем позволить себе такую свободу в отношениях с другими? Насколько важно, что, несмотря на все сказанное, терапевт/аналитик будет ждать вас на следующий сеанс в точно оговоренное время? И главное: кадр – строгая форма, которая гарантирует вам обнаружение собственной свободы внутри. Может показаться, что обнаружить свободу можно только в хаосе, где нет вообще никаких ограничений. Но в хаосе вы найдете только хаос. Свободу можно действительно обнаружить лишь там, где есть ограничения (иначе как понять, что такое свобода?), где у вас есть шанс противопоставить вашу волю воле другого, протестировать эти границы и найти подходящее для жизни и отношений с другими равновесие. Кадр – это «принцип реальности», противостоящий «принципу удовольствия». В борьбе этих двух принципов, как вы увидите дальше, и происходит психическое развитие.

Это может показаться удивительным на первый взгляд, но самое драгоценное, что может вам дать психоанализ, – это настоящая внутренняя свобода, не фальшивая, не внушенная, а найденная в глубине вашей психики и потому настоя-

щая, только ваша. Свобода говорить все, что приходит в голову (психоаналитическое лечение всегда строго конфиденциально), свобода знать и принимать себя со всеми скрытыми желаниями и мотивами (отсутствие этой свободы чаще всего и провоцирует развитие невроза), свобода начинать, продолжать и заканчивать отношения (а не быть заложником отношений, как это обычно случается), свобода быть счастливым – если это то, чего вы действительно хотите.

*В память о моем друге,
всегда говорившем свободно*

I. Экспедиция за золотом бессознательного

Пунктир

Описать в двух словах более чем столетнюю историю психоанализа⁷ – задача как минимум сложная, а то и невозможная. Однако мы можем прочертить ее истоки и развитие пунктиром. В этой главе мы поговорим о самых ярких моментах, оставив за скобками формальное перечисление всех событий и дат – то есть воспользуемся приемом скорее кинематографическим, нежели описательным. Начнем с Фрейда, пунктира его судьбы и начала психоанализа.

⁷ Исторически термин «психоанализ» был впервые введен Фрейдом в эссе «Наследственность и этиология неврозов» (*“L’herédité et l’étiologie des névroses”* во французском журнале “Revue Neurologique”) в 1896 году (Фрейд, З. Наследственность и этиология неврозов / Пер. с фр. Т. И. Белова. Ижевск: ERGO, 2016. 45 с. (Кн. 1); 88 с. (Кн. 2)). Но и до этого Фрейд разрабатывал концепцию бессознательного, вытеснения, в 1895 году открыв в ходе самоанализа значение собственного сна «Об инъекции Ирме», на примере которого была построена вся модель толкования сновидений, то есть теоретическая база для всего психоанализа в целом. А до этого, в 1894 г., уже была написана статья «Невропсихозы защиты» (Фрейд, З. Невропсихозы защиты. Критически-историческое исследовательское издание / Пер. с нем. М. М. Бочкарева; под ред. С. Ф. Сироткина. Ижевск: ERGO, 2018. 72 с.).

..... Молодой Фрейд (он родился 6 мая 1856 года) в разлуке со своей невестой Мартой углубляется в медицинскую и научную деятельность, выигрывает конкурс младших врачей (1885) и уезжает на стажировку в Париж учиться у знаменитого тогда психиатра Жана Шарко, специалиста по лечению истерии гипнозом. Он был восхищен и Шарко, и его практикой, но уже тогда понимал, что будет искать свой собственный путь.

..... Студенческий друг Йозеф Брейер знакомит Фрейда со своим «катартическим методом» и результатами лечения пациентки Анны О. (Берты Паппенгейм). В 1895 году публикуется их совместная работа «Исследование истерии» – это официальное начало психоанализа. К этому моменту у Фрейда и его жены Марты уже шестеро детей. За десять лет, прошедших от начала работы с Шарко до работы с Брейером, Фрейд проходит принципиально важный путь – от врача-гипнотизера, контролирующего и подчиняющего психику истерических пациенток, до психоаналитика, который следует за свободными ассоциациями пациента, не только не влияя, но и не вмешиваясь никаким образом в возникающий субъективный ассоциативный ряд, пока не приходит время для интерпретации найденной связи в избранных ассоциациях. Фрейд открывает классическую для психоанализа взаимосвязь истерических симптомов и инфантильных сексуальных переживаний. Ко времени публикации труда отношения двух друзей и коллег окончательно

но расстраиваются: Брейер не поддерживает его в исследованиях сексуальности, как и многие другие в профессиональном окружении.

Тогда же начинается дружба с Вильгельмом Флиссом – поистине роковые для Фрейда отношения, наложившиеся на переживания по поводу смерти отца, депрессию и начало самоанализа, окончившегося первым изданием «Толкования сновидений». Книга будет дописываться и дорабатываться Фрейдом на протяжении 30 лет, и в ней он изложит теорию и метод психоанализа наиболее полно. Близкий товарищ и коллега, переписка с которым длилась годами – и в этих письмах Фрейд вынашивал основные идеи и структуру психоаналитического метода, – Флисс в конце концов обвиняет Фрейда в плагиате, а Фрейд его – в паранойе.

Идут годы, психоанализ привлекает новых и новых последователей. Фрейд стремительно развивает метод.

В это время написаны:

«Сексуальность в этиологии неврозов» (1898),

«Толкование сновидений» (1899/1900),

«Психопатология обыденной жизни» (1901),

«Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905),

«Три очерка по теории сексуальности» (1905),

«Фрагмент анализа истерии (случай Доры)» (1905),

«Бред и сны в „Градиве“ В. Йенсена» (1907),

«Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907),

- «Художник и фантазирование» (1908),*
«Семейный роман невротика» (1909),
«Заметки о случае невроза навязчивости (Человек-крыса)» (1909),
«Пять лекций о психоанализе» (1910),
«Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи» (1910),
«Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании паранойи (случай Шребера)» (1911),
«Об унижении любовной жизни» (1912),
«Тотем и табу» (1912–1913),
«Моисей Микеланджело» (1914),
«О нарцизме» (1914).

.....С началом Первой мировой войны, когда многие соратники Фрейда, в том числе Альфред Адлери Карл Густав Юнг, уже отошли от него и был создан Комитет – доверенный круг аналитиков, придерживающихся классических психоаналитических идей, Фрейд вновь впадает в депрессию, справляться с которой ему вновь помогает научная работа. Появляются ключевые статьи: «Влечения и их судьбы» (1915), «Вытеснение» (1915), «Бессознательное» (1915), «Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях» (1916–1917) и «Горе и меланхолия» (1916–1917). Фрейд входит в печальный философский период своей жизни и творчества – период между двух войн.

После окончания войны от испанки умирает одна из до-

черей Фрейда, София. Фрейд пишет «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Психологию масс» (1921), «Я и Оно» (1923). В том же 1923 году у него обнаруживается опухоль нёба, которую он будет пытаться вылечить с помощью последующих 32 операций и, как мы знаем, не вылечит.

Времена печали чередуются со счастливыми событиями – в 1930 году Фрейд получает премию Гёте за вклад в науку и литературу. Долгожданная и очень важная для Фрейда награда. Но позже от туберкулеза умирает его мать, а в 1933 году к власти приходит Адольф Гитлер и начинаются гонения на евреев. Фрейд отказывается покидать страну, несмотря на просьбы коллег и соратников, пока в 1938 году дочь Анну не допрашивают в гестапо и не становится очевидно, что эвакуация необходима. Выплатив с помощью друзей и учеников огромную сумму, Фрейд с женой Мартой и дочерью Анной «выкупают» свои жизни и получают свободу, их выпускают из страны в Лондон. Только их. Сестрам Фрейда выехать не дали, их жизни закончились в концентрационных лагерях.

..... Летом 1939 года, страдая от прогрессирующей опухоли челюсти, Фрейд напоминает своему врачу об обещании облегчить ему смерть уколом морфия. Анна, ухаживающая за отцом до последнего, – против, но после соглашается. 23 сентября Макс Шур вводит достаточную дозу, и той же ночью Фрейд умирает.

Последние годы жизни Фрейда и первые два десятилетия после его кончины – время, когда метод создателя выходит

на мировую сцену и вместе с тем обретает новых звезд на психоаналитическом небосклоне. Время необычайной творческой концентрации в истории психоанализа вообще.

К концу 1930-х годов Мелани Кляйн, британский психоаналитик, знакомая с Фрейдом с 1918 года и участвующая в дискуссии о детском психоанализе с Анной Фрейд, уже организовала свою («кляйнианскую») психоаналитическую группу в Лондоне (помимо «фрейдовской» и «независимой»). Уже написан ее труд «Психоанализ детей» (1932). С идей Кляйн начинается развитие теории объектных отношений. Фрейдистская и кляйнианская ветви психоанализа считаются на сегодняшний день двумя наиболее крупными.

В год введения Фрейдом термина «психоанализ» (1896) рождается Дональд Вудс Винникотт, который впитал идеи Кляйн, но вошел в независимую группу психоаналитиков. Он отслужил судовым врачом во время Первой мировой, а после проработал 40 лет педиатром в Лондонской больнице, пролечив более 60 тысяч детей с их семьями. К моменту смерти Фрейда Винникотт уже более четырех лет являлся психоаналитиком. А после Второй мировой дважды избирался президентом Британского психоаналитического общества. Винникотту мы обязаны введением концепций «достаточно хорошей матери» и «переходного пространства». В год его смерти издается книга «Игра и реальность» (1971).

Через год после Винникотта (1897) на свет появляется Уилфред Рупрехт Бион. Командующий танковым взводом в

Первую мировую, после он изучает философию в Оксфорде, а затем – медицину в Лондонском университете, где в том числе интересуется психологией групп. Проходит анализ у Кляйн и уже после Второй мировой войны публикует ключевые свои работы, ставшие золотым фондом психоанализа: «Научение через опыт переживания» (1962), «Элементы психоанализа» (1963), «Трансформации» (1965) и «Внимание и интерпретация» (1970). К этому моменту в психоанализе сформированы несколько новых направлений не только в Европе, Америке, но и в самых разных концах света.

Встретившись с Фрейдом в 1923 году и вдохновившись его идеями, через 20 лет (в 1953 году) Жак Лакан выходит из Международного психоаналитического общества, а еще через десять полностью разрывает связь с «ортодоксальным психоанализом» и создает собственную Парижскую школу фрейдизма. Именно Лакану мы обязаны наречением открытий Фрейда «коперниканским поворотом». Соединив психоанализ, науку о языке и философию, Лакан довольно далеко отходит от уже сформировавшихся на тот момент правил классического психоаналитического лечения, однако лозунг «Назад к Фрейду!» остается актуальным для него на протяжении всей жизни и творчества.

Фрейдизм без преувеличения можно назвать одной из ведущих концепций XX века, изменившей наше представление о человеке, личности, душевной жизни бесповоротно. Фрейд заложил основу для всех психотерапевтических на-

правлений, существующих на сегодняшний день. Одни рождались в согласии с теориями Фрейда, другие – в конфронтации с ними, но так или иначе психоанализ был либо точкой опоры, либо точкой отталкивания для любого, исследующего психическое. Влияние идей Фрейда на культуру, как и на нашу обыденную жизнь, очевидно – так же очевидно, как и продолжающееся этим идеям бессознательное сопротивление.

.....В новогоднюю ночь на 1 января 2014 года неизвестные пробираются в крематорий Голдерс-Грин и разбивают этрусскую вазу с прахом Зигмунда и Марты Фрейд (Марта умерла в 1951 году), после чего зрители переносят осколки вазы и прах в скрытое место⁸.

⁸ Заметка в газете: «Урна с прахом Зигмунда Фрейда разбилась во время налета на крематорий Голдерс-Грин» // The Standard. Анна Дюбюи, 15 января 2014 г. (Urn containing Sigmund Freud's ashes smashed in raid on Golders Green Crematorium / The Standard, Anna Dubuis, 15 January 2014). URL: <https://www.standard.co.uk/news/london/urn-containing-sigmund-freuds-ashes-smashed-in-raid-on-golders-green-crematorium-9060792.html>.

В память об отце: горе, Эдипов комплекс и сублимация

Психоанализ, как это случается с любым гениальным творением, возник не только из поступательного развития фрейдовской мысли, но и на пике душевных переживаний (став результатом сублимации горя, которое пережить иначе было, судя по всему, невозможно). Важно понимать это: психоанализ сам по себе является продуктом сублимации, что делает его не только наукой, но и, несомненно, искусством. Об этом чуть позже. Так уж сложилось, что душевные страдания если не убивают, то делают из нас невротиков или художников⁹. Или и тех и других. Переживая смерть отца¹⁰, Фрейд погрузился в состояние, которое он сам называл

⁹ То есть душевные страдания дают нам и симптом, и, в лучшем случае, пути к сублимации внутренних, как будто бы неразрешимых конфликтов, переносимых теперь на другую, социально приемлемую сцену.

¹⁰ «В октябре предшествующего [1896] года умер отец Фрейда. Благодаря Флисса за слова соболезнования, Фрейд писал: „Каким-то неясным образом, лежащим за пределами обычного сознания, смерть отца очень глубоко на меня повлияла“. <...> Фрейд говорил, что именно это переживание привело его к работе над „Толкованием сновидений“. <...> Можно с полным основанием связывать два этих события друг с другом. Во вступлении ко второму изданию, написанному в 1908 году, Фрейд сказал, что до конца осознал причастность к этому смерти его отца лишь после окончания данной книги» (*Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда / Пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: «Гуманитарий» АГИ, 1996. С. 181*).

неврозом¹¹, и из самой глубины его возник творческий импульс невероятной мощи, позволивший осуществить работу над «Толкованием сновидений», дать описание психоаналитического метода, строения психического аппарата, эдипова комплекса и основных психологических защит. Как это объяснить?

Путешествие во времени

Чтобы представить себе сложность и уникальность работы Фрейда с собственными переживаниями в тот момент, можно воспользоваться популярным в научной фантастике образом путешественника во времени, создающего причинно-следственную петлю, в которой события настоящего вызваны прошлым, на которое повлияло будущее. Будущее в данном случае – уже открытый психоаналитический метод, который еще не был открыт Фрейдом в начале работы над «Толкованием...», но в процессе своего открытия давал ре-

¹¹ «Фрейд описал, как он проходил через невротическую фазу: „Причудливое состояние психики, непонятное сознанию: неясные мысли и замаскированные сомнения, и только редко встречались просветы“. Каждая строчка, которую он писал, была для него мучением». «Изменения настроения наблюдались между периодами приподнятого настроения, возбуждения и уверенности в себе, с одной стороны, и периодами тяжелой депрессии, сомнений и внутренних запретов – с другой. Во время своих депрессивных состояний духа он не мог ни писать, ни сконцентрироваться на своих мыслях <...> состояние беспокойного паралича. Иногда имели место приступы, когда сознание значительно суживалось: состояния, которые трудно описать, с такой пеленой, которая вызывала почти сумеречное состояние рассудка» (Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 181, 170).

троспективный взгляд на прошлое Фрейда, переосмысливаемое им в настоящем. (Наверное, это предложение стоит перечитать еще раз.) Позже Фрейд описал такое психическое явление термином «последствие» (*Nachträglichkeit*), при котором уже случившиеся события наделяются значением, аффективной силой и в каком-то смысле случаются снова (в настоящем и прошлом одновременно), но по факту значительно позже того, как они действительно произошли.

Одно дело – осознать, к примеру, детскую травму, смысл которой не был понятен в детстве (травма произошла, но осталась неузнанной), а обнаружился и был прочувствован до конца только во взрослом возрасте (и потому травма случилась во взрослом возрасте, хотя фактически произошла в детстве), но другое – создать при этом целый психоаналитический метод, будучи самому себе пациентом. Парадокс, в общем, состоит в том, что Фрейд, получается, был психоаналитиком до того, как он изобрел психоанализ. Не стоит удивляться, когда мы доберемся до описания бессознательного, вы узнаете, что времени вообще нет. Но не всё сразу.

Отец

Зигмунд (Сигизмунд) Фрейд был ребенком от третьего брака его отца, Якоба Фрейда. Мать, Амалия Натансон, была вдвое моложе мужа (ей было 19 на момент свадьбы) и даже моложе двух сыновей Якоба от первого брака (Филиппа и Эммануэля). Зигмунд родился первым, а за ним еще семе-

ро¹². Со своим племянником-одногодкой Йоном (сыном Эммануэля) они были неразлучными друзьями в раннем детстве, тогда как племянница (дочь Эммануэля) была на год старше Зигмунда. Второй единокровный старший брат, Филипп, был вполне отцовской фигурой для маленького Фрейда – тем сложнее дался ему, трехлетнему ребенку, переезд из Фрайберга в Лейпциг и Вену¹³.

Образованием Фрейда занималась мать, пока ее не сменил отец, Якоб, хотевший видеть в сыне успешного молодого человека. Зигмунд не разочаровал его, в девять лет поступив в гимназию (на год раньше обычного возраста). Растили ли его вундеркиндом? Фрейд нигде не говорил об этом прямо, однако в воспоминаниях остались краткие свидетельства, детали, говорящие об особом статусе мальчика сре-

¹² Родные братья и сестры Фрейда: Юлиус, Анна, Регина Дебора (Роза), Мария (Митци), Эстер Адольфина (Дольфи), Паулина Регина (Паули), Александр Готхольд Эфраим. Юлиус умер восьмимесячным младенцем, что, вероятно стало одной из первых травм Зигмунда (которому на тот момент не было и двух лет). Все сестры, кроме Анны, уехавшей после замужества в США, погибли в концентрационных лагерях (Роза – в Трешлинке в 1942 году, Митци и Паули – в Малом Тростенце в 1942 и 1943 годах, Дольфи – в Терезиенштадте в 1942 году). Александр с женой и сыном в 1940 году эмигрировали из Вены в Торонто, спасаясь от нацистского режима.

¹³ Потеря бизнеса отцом и переезд, вынужденный разрыв с братьями и племянником стали, очевидно, второй серьезной детской травмой Фрейда. Во всяком случае, известно, что на протяжении всей жизни Фрейд сохранял «тревогу перед дальней дорогой» (*Reisefieber*), проявляя сильное беспокойство, как бы не опоздать на поезд, и приезжая на вокзал задолго до отправления.

ди его сиблингов¹⁴. Для занятий Зигмунду выдавалась керосиновая лампа, а не свечи, как всем остальным, а чтобы он не отвлекался от учебы, другим детям не разрешалось музицировать в часы его домашних занятий. Надо сказать, что нелюбовь к инструментальной музыке Фрейд сохранил на всю жизнь, что позволяет предположить обычное между детьми желание «насолить» родительскому любимчику «совершенно безобидной» игрой на фортепиано.

Конечно, Фрейду было важно, как отец оценивает его успехи. Возможно, и этот мотив, помимо желания поскорее разбогатеть и взять в жены свою возлюбленную Марту, повлиял на печальную недалёковидность ранних научных исследований Фрейда – лечебное действие экстракта листьев коки было в итоге выявлено только в анестезиологии, а сам Фрейд – раскритикован коллегами за использование наркотического вещества в лечении больных. Биограф Фрейда Эрнест Джонс приводит случай, когда Фрейд обращается за помощью к коллегам К. Коллеру и Л. Кёнигштейну, чтобы вылечить глаукому отца: «Во время операции Коллер вскользь заметил Фрейду, что в данной процедуре принимают участие все лица, которым медицина обязана открытием анестезирующего свойства кокаина. Фрейд наверняка был горд тем, что смог помочь и доказать отцу, что в конце концов из

¹⁴ В частности, известно, что Фрейд был «фаворитом своей матери, которая твердила ему, что он добьется в жизни чего-нибудь стоящего» (*Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 27*).

него что-то вышло»¹⁵. Конечно, Фрейд был молод и, как многие другие ближе к тридцатилетнему возрасту, искал денег и славы. Но к тому моменту он уже был ученым, и в его желании найти быстродействующий «волшебный эликсир», как и в его научной слепоте, несомненно, могли быть какие-то более глубокие мотивы. Слепота – то, что позже войдет в круг символов эдипова конфликта: именно как одновременная способность и неспособность видеть инцестуозные мотивы в семейных отношениях. Фрейд слепо шел за идеей о чудо-лекарстве, помогая исцелить отца от слепоты, невесту – от депрессии и горячо любимого друга – от морфиновой зависимости. Психоаналитик в этом месте глубоко задумается.

Почему же Фрейду пришла в голову идея «изгнать дьявола с помощью Сатаны»¹⁶? Чуть позже мы поговорим о «крушении в момент успеха» и его связи с невозможностью мальчика выиграть в эдипальном поединке с отцом. А сейчас

¹⁵ *Джонс, Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 61.

¹⁶ Поплатившись многим, не только репутацией, Фрейд в более поздней работе напишет: «Оказалось, что... кокаин опаснее для здоровья, чем морфин. Вместо постепенного развития маразма мы отметили быстрое ухудшение физического и морального состояния, возникновение галлюцинаторных состояний возбуждения, напоминающих белую горячку, появление хронической мании преследования, которые, судя по моему опыту, сопровождаются галлюцинаторными ощущениями, словно мелкие животные ползают под кожей, и формирование пристрастия к кокаину вместо пристрастия к морфину. Таковы были печальные результаты попыток изгнать дьявола с помощью Сатаны» (*Фрейд*, З. Замечания о кокаинизме и страхе перед кокаином с ссылкой на доклад В. А. Хаммонда (1887). Источник: *Фрейд*, З. Статьи о кокаине / Пер. Ю. М. Донца; ред. В. Зеленский. СПб.: Азбука, 2011. С. 97–108).

важно еще раз напомнить, что фигура отца была для Фрейда сложной, поскольку была составной – в ней соединились отец и старший единокровный брат, который по возрасту вполне мог быть отцом Зигмунду. То есть и эдипальная конкуренция в этом случае должна была быть большей и отягощенной к тому же конкуренцией сиблинговой.

Друг

Мы не можем знать наверняка, верна ли наша гипотеза о судьбоносной роли брата Филиппа, но знаем о сложностях Фрейда в дружеских отношениях. Эти сложности происходили из различных источников, но довольно часто дружба прекращалась (иногда – трагически) или оборачивалась враждой. Брат Филипп – друг Фляйшль – друг Флисс.

Эрнстом Фляйшлем фон Марксовом, молодым врачом-ассистентом великого Эрнста фон Брюкке¹⁷, одаренным ученым, Фрейд восхищался¹⁸. При этом очевидно, что Фляйшль занимал то самое желанное место для Фрейда – место

¹⁷ Эрнст Вильгельм фон Брюкке (1819–1892) – венский врач, физиолог, педагог, университетский преподаватель Фрейда, который оказал на последнего большое влияние (в частности, вдохновил на создание теории психодинамики).

¹⁸ Джонс приводит такие слова Фрейда о Фляйшле: «Богатый, натренированный во всевозможных физических упражнениях, с печатью гения в своих энергичных чертах, красивый, с прекрасными чувствами, одаренный всевозможными талантами и способный формулировать оригинальное суждение по большинству вопросов, он всегда был моим идеалом, и я не мог успокоиться, пока мы не стали друзьями, и я смог испытать чистое наслаждение от его способностей и репутации» (*Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 63*).

ассистента Брюкке¹⁹. Их дружба развивалась на фоне творческого личностного расцвета и постепенного угасания Фляйшля от последствий, по-видимому, несвоевременного лечения²⁰. Наконец обретя заветного друга, к которому он даже в шутку просил не ревновать свою невесту Марту, Фрейд и предположить не мог, что станет свидетелем его ужасающего заката. Будучи врачом, он пытался излечить Фляйшля, но при этом как будто не замечал очевидного: друг угасал на его глазах, а лечение не помогало, а усугубляло и без того катастрофичную ситуацию. Вряд ли Фрейд мог помочь, да и дело было не только в препаратах, которые Фляйшль принимал в невероятно больших дозах, а скорее в том решении, которое уже было принято им и на которое Фрейд никак не

¹⁹ Здесь мы можем психоаналитически сказать так: у великолепного научного «отца» уже есть сверходаренный и прекрасный «старший сын».

²⁰ «Он был молодым, красивым, полным энергии человеком, прекрасным оратором и блестящим педагогом. Фляйшль обладал чарующими и приятными манерами, присущими старому венскому обществу, прекрасным даром собеседника. <...> Из-за небрежности при анатомическом исследовании он занес себе инфекцию. Ампутация большого пальца правой руки спасла его от смерти. Но продолжающийся рост невромы требовал повторных операций. Его мучили сильные боли. Тем не менее этот человек продолжал экспериментальную работу, а во время бессонных ночей изучал физику и математику, санскрит. Когда боль стала непереносимой, ему пришлось прибегнуть к морфию, к которому он впоследствии болезненно пристрастился. В разгар его мучений, последовавших за попытками освободить себя от этого пристрастия, Фрейд предложил ему использовать вместо морфия кокаин. (Это было решение, о котором в последующие годы Фрейд горько сожалел.)» (Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 57).

смог повлиять²¹. Однако вину за произошедшее Фрейд пронес через всю свою жизнь. Вина – то, что делает эдипальный конфликт особенно сложно переживаемым²².

В 1896 году Фрейд сближается со своим коллегой и общим с Брейером другом – Вильгельмом Флиссом, вра-

²¹ Джонс описывает это так: «Рассудок Фляйшла под воздействием больших доз морфия стал периодически мутнеть. Фрейд получил первое представление о его состоянии во время краткого визита к нему в октябре 1883 года. „Я с полной безутешностью спросил его, куда все это могло привести. Он сказал, что родители считают его великим ученым и что, пока они живы, он будет стараться продолжать свою работу. После их смерти он покончит с собой, ибо, по его мнению, ему долго не продержаться. Было бы бессмысленно стараться утешить человека, который столь ясно видит свою ситуацию“. Двумя неделями позже у них была еще одна волнующая беседа, о которой Фрейд вспоминал: „Он не из тех людей, к которым можно приблизиться с пустыми словами утешения. Его состояние в точности столь безнадежно, как он говорит о себе, и никто не может ему возразить...“ „Я не могу выносить, – сказал он, – заставлять себя делать все с усилием в три раза большим, чем это требуется другим, когда я так привык делать дела легче, чем они“. „Никто другой не вытерпел бы того, что я терплю, – добавил он. А я знаю его достаточно хорошо, чтобы ему верить“» (Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 63).

²² Кроме того, болезнь и смерть Фляйшла могли пробудить и раннюю травму Фрейда – смерть восьмимесячного брата Юлиуса: «Появление на свет брата породило сильную ревность со стороны маленького Зигмунда к матери, которая до сих пор отдавала ему одному не только свою любовь, но и свое молоко. В письме Флиссу от 1897 года он признает наличие злобных желаний в отношении своего соперника и добавляет, что исполнение этих желаний в связи с его смертью возбудило упреки в собственный адрес – склонность, которая осталась у него с тех пор» (Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 22). «Упреки в собственный адрес» – та же вина, но не эдипального характера, а более раннего периода развития (вина за свои агрессивные желания в адрес конкурента за любовь матери), а также – травматическая «вина выжившего».

чом-отоларингологом. К тому моменту отношения с Брейером, много значившие для Фрейда, сильно ухудшились²³, и Флисс стал тем собеседником, в котором всегда нуждался Фрейд, – равным, но более авторитетным²⁴, строгим в научных рассуждениях, но абсолютно свободным в своих фантазиях. В то время прошел уже год, как Фрейд описал концепцию переноса (в «Исследованиях истерии», 1895), однако пока что не спешил применить ее к себе самому (до начала самоанализа еще полтора года – полтора года восторженной дружбы и усиливающегося невроза). Иначе как переносом важной, авторитетной, любимой фигуры сложно объяснить эти отношения, продлившиеся около десяти лет и закончившиеся внезапно, как будто с глаз сорвали повязку. Фрейд действительно видел и не видел всего того в идеях Флисса, что позже будет отнесено чуть ли не к психопатологии²⁵. Возможно, сыграла роль и ситуация непонимания и непризнания, в которой находился Фрейд – обладатель «безумных», по мнению современников, идей о сексуальной этиологии

²³ Возможно, в том числе и потому, что Брейер невольно занимает покровительственную, «родительскую» позицию, поддерживая Фрейда материально.

²⁴ И здесь мы можем сказать: не «отец», но «старший брат» – старший коллега.

²⁵ Речь идет главным образом о навязчивом стремлении Флисса к нумерологическому объяснению всех биологических процессов, всех событий жизни и смерти, сводимому в конце концов к «мужскому числу» 23 и «женскому» 28. С помощью расчета циклов, основанных на этих двух числах, Флисс пытался объяснить все: от времени появления тех или иных заболеваний до пола будущего ребенка и даты смерти.

неврозом. Насколько ценным было обретение единомышленника-ученого, уверенного в своих рассуждениях вне зависимости от оценки окружающих? Эта же уверенность стала причиной конфликта и последующего вскоре завершения отношений: как только Фрейд оказался способен дискутировать с другом по поводу научной работы, так тут же Флисс воспринял это как нападки и угрозу. Восторженное отношение друг к другу сменилось идеей преследования, кражи (у Флисса) и резким отторжением (у Фрейда). Однако начало самоанализа и формулировка основ психоанализа – и в теоретическом, и в методическом смысле – пришлось на пик этой дружбы. Именно в переписке с Флиссом Фрейд сформулировал движущую силу эдипального конфликта: враждебность к родителю своего пола и влечение к родителю противоположного, а также «великий секрет» (из которого позже родится «теория первофантазмов») – фантазм «о соблазнении». Отношения с Флиссом стали новой сценой, на которой разыгрались детские конфликты Фрейда, и только здесь он смог проанализировать их и описать. Эдипальная любовь и вражда показали себя на этой сцене ярко, а с окончанием самоанализа ушел и перенос, обнажив реальное положение дел в случившейся дружбе. От Флисса Фрейд заимствует термин «сублимация» – трофей и поощрительный приз эдипальной борьбы.

В биографии Фрейда Джонс пишет: «Фрейд, безусловно,

обладал умственными способностями, однако запутанная природа семейных отношений дала сильный толчок для пробуждающегося ума, роста любопытства и интереса. С ранних лет он был вынужден решать запутанные и в высшей степени эмоционально значимые для него проблемы. Сложность этих проблем следует подчеркнуть особо, пытаясь представить себе их воздействие на духовное развитие ребенка. Когда позднее Эммануил заметил ему, что их семья состоит из трех поколений, Фрейд нашел данное замечание проясняющим»²⁶. Джонс также полагает, что нежелание адресовать отцу агрессивные импульсы заставило Фрейда выбрать ему на символическую замену брата Филиппа, и потому позднейшее открытие враждебности к реальному отцу имело такой невероятный эффект инсайта для Фрейда.

Кроме того, разница поколений отца и матери символически восходила к мифу об Эдипе, родители которого также имели большую разницу в возрасте (что и позволило Эдипу взять в жены Иокасту, свою биологическую мать). Так в лоне семьи создалась среда и годящаяся для развития невроза, и создающая питающий субстрат для дальнейшей сублимации. Пока был жив отец, ни то ни другое не проявляло себя так ярко, как после его ухода. Но с его смертью Фрейд-Эдип был вынужден решить самый главный в этой ситуации символический вопрос: «Виновен или нет?»

²⁶ Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 23.

Психоанализ в лоне истерии

Историю психоанализа принято рассказывать, начиная с первых открытий Фрейда, – что верно, однако жизнь обычно не укладывается в энциклопедический формат. И психоанализ учит именно этому – живая история куда важнее и точнее сухого описания фактов, куда драматичнее причесанного и отредактированного абзаца в исторической книге. Суть психоанализа в том, что вы делаете субъективный вывод из всего, что узнаёте о нем, – вы делаете этот вывод, и, каким бы он ни был, вы уже проделываете важную для психики работу. Это все, что нужно, остальное – интеллектуальное понимание – идет бонусом.

У постели отца

С проведенной у постели умирающего отца ночи начинается история болезни Анны О. Ей 21 год – девушке, воспитанной в состоятельной ортодоксальной еврейской семье, знающей несколько языков и вообще высокоинтеллектуально одаренной (что, судя по замечанию ее лечащего врача, Брейера, и не дало ей ответить на лечение гипнозом), подруге невесты Фрейда, знакомой его сестры Анны. На тот момент Фрейд был ассистентом Брейера и с большой долей вероятности мог участвовать непосредственно в ее лечении. Хотя сама Анна О. называла его позже «этот наглый друг, с

которым я никогда не была знакома, этот Фрейд»²⁷ – слова из записанного Бертой много позже сна, в котором она говорит о себе в третьем лице и множественном числе²⁸. Случай Анны О. часто переосмысливался со времен Брейера/Фрейда, и из страдающей истерией героиня все чаще превращалась в больную с куда более тяжелым недугом – шизофренией или диссоциативным расстройством личности. Однако в 1881 году еще не существовало слова «шизофрения»²⁹. Ошиблись ли врачи, ошибся ли Фрейд? Сам он считал ошибкой Брейера отъезд последнего (и завершение лечения пациентки)³⁰, когда у Брейера в руках «оказался ключ, откры-

²⁷ Люкимсон, П. Фрейд. История болезни [Электронный ресурс] / Под ред. Е. С. Писаревой. М.: Молодая гвардия, 2014. 464 с. (Жизнь замечательных людей). Глава девятая: Странная история Анны О. // URL: <https://biography.wikireading.ru/47258>.

²⁸ «Я кричала им... что я не та Анна из статей, которые они постоянно публиковали, глупая, маленькая фрейлейн, которую они лечили разговорами, но это все равно не помогло. Мы все знали, в чем была их проблема – они были мужчинами. Брейер думал, что все знает. Так же думал и этот наглый друг, с которым я никогда не была знакома, этот Фрейд, который затем писал обо мне, будто знал меня. Никто из них и близко не подошел к Анне. Она играла с ними в женские игры» (Там же. Люкимсон, П. Фрейд. История болезни).

²⁹ Этот термин будет введен позже, в 1911 г., Эйгеном Блейлером.

³⁰ После того как пациентка предъявила своему врачу симптом в виде родовых схваток, Брейер был шокирован: «Он выбежал из дома в холодном поту. На следующий день он вместе с женой уехал в Венецию, чтобы провести там свой второй медовый месяц (именно там была зачата его дочь, которая почти 60 лет спустя покончила с собой в Нью-Йорке)» (Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 130). Психоанализ – это всегда захватывающий детектив, связывающий глубоко трагические истории: от какой же матери родилась эта дочь? Не

вавший „путь к Матерям“, но он уронил его»³¹. Речь идет об открытии переноса, в рамках которого пациентка фантазировала о беременности от врача (а за его фигурой – отца), и верная интерпретация ее симптома могла дать серьезный прогресс в длившемся уже около двух лет лечении. Но и психоанализа на тот момент еще не существовало.

Мы будем говорить отдельно об истерии и сложностях, с ней связанных³², но сейчас важно отметить, что именно со случая Анны О., который Фрейд классифицировал как случай истерии, начинается психоанализ. Дело не только в том, что сама история болезни была яркой, но и в том, что пациентка дала своим врачам описание базовых концепций психоанализа до того, как они были научно сформулированы: идея о психическом как «внутреннем театре», свободные ассоциации и метод «лечения словом».

Психоаналитик Джойс Макдугалл пишет об этом так: «Театр как метафора психической реальности обязан знаменитой пациентке Брейера Анне О., чье лечение дало Фрейду

было ли здесь «двойного» материнства, что и могло привести к идее о суициде («запретный ребенок», который не должен был родиться)? О Воображаемом и Реальном ребенке мы поговорим дальше.

³¹ Письмо Фрейда к Стефану Цвейгу от 2 июня 1932 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://freudproject.ru/?p=12326>.

³² Об истерии сложно не только рассуждать в непосредственном соприкосновении с ее симптомами, но и в целом (предуведомляя будущие главы) можно сказать, что до гипноза Шарко и психоанализа Фрейда к истерии не было адекватного подхода: истеричек в лучшем случае запирали в лечебницах для душевнобольных, а в худшем, до этого, – сжигали как ведьм.

множество его первых блестящих озарений относительно работы бессознательного. К счастью для науки, Анна О. не reagировала на гипноз, которым Брейер сперва пытался ее лечить. В некотором смысле это она учила психиатра, как проводить ее лечение. Рассказывая Брейеру о своих беспрестанных фантазиях и прочих свободных ассоциациях, она ссылалась в своих сообщениях на „свой личный театр“. Обнаружив, что многие из ее тяжелых истерических симптомов (глухота, нарушения зрения и мышечные параличи) исчезли после того, как были, по выражению Брейера, „выговорены“, Анна О. окрестила этот доселе неслыханный метод „лечением разговором“. В иных случаях, поскольку лечение разговором, казалось, освобождало ее от множества мыслей и чувств, загромождавших ее сознание, она называла его „очисткой дымохода“»³³.

В общем, у психоанализа, как видно, двойное авторство. И второй тут – не Брейер, а Берта Паппенгейм. Ничего удивительного. Сам дух психоанализа предполагает, что каждый пациент уникален и нет однозначно заданного шаблона в психоаналитическом лечении. Психоанализ рождается только в процессе психоанализа, а в формальном описании его, в общем, и не существует. Вот почему для того, чтобы быть психоаналитиком, нужно быть художником от психо-

³³ *Джойс Макдугалл Дж.* Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене / Пер. с англ. Е. Замфир; науч. ред. М. Решетников. СПб.: Изд. ВЕИП, 2002. С. 20.

анализа, владеющим правилами как инструментом, кистью (а не ремесленником, защищающимся лишь сухой догмой)³⁴. На первый взгляд это сложно понять, еще сложнее это доказать, в разы сложнее – быть психоаналитиком. Но чем глубже вы погружаетесь в метод, тем яснее ощущается его суть.

Открытие метода

Как таковой точной даты открытия метода «свободных ассоциаций» нет. Можно сказать, что Фрейд формулировал его в течение нескольких лет (1892–1895), наблюдая за постепенно разъясняющимися фактами о функционировании психики и экспериментируя. Не сразу, но он отказывался от гипноза, задавания вопросов, настаивания на нахождении однозначно верных ответов на них и т. д.

В случае Анны О. центральным моментом лечения стала реконструкция той ночи у постели отца, когда она задремала, а после, почти проснувшись, начала галлюцинировать: вместо знакомого лица она увидела череп, а по кровати ползла змея. Рука, которой Анна опиралась о спинку

³⁴ Здесь можно привести слова Берты Паппенгейм о психоанализе: «Психоанализ в руках врача – то же самое, что исповедь в руках католического священника; только от их личности и искусства владения своим методом будет зависеть то, окажется ли их инструмент добром или обоюдоострым мечом» («Psychoanalyse ist in der Hand des Arztes, was die Beichte in der Hand des katholischen Geistlichen ist; es hängt von dem Anwender und der Anwendung ab, ob sie ein gutes Instrument oder ein zweischneidiges Schwert ist», – Edinger D. Bertha Pappenheim, Leben und Schriften // Bertha Pappenheim, Dora Edinger. Frankfurt-am-Main, Ner-Tamid-Verlag, 1963. 156 s. S. 12–13). – *Пер. авт.*

стула, онемела. Девушка пыталась молиться, но в голову ей пришли только английские слова. Позже в течение некоторого времени симптомы развились не только в галлюцинации, но и в спастический паралич трех конечностей (с контрактурой³⁵ и отсутствием чувствительности), в разнообразные расстройства речи (она не могла говорить на немецком языке, выбирая английский, итальянский или французский) и зрения, в отвращение к пище, нервный кашель (тогда семья и обратилась за помощью к Брейеру) и в конце концов в два состояния сознания, в одном из которых она была капризной и агрессивной, а в другом – относительно нормальной, хоть и тревожной взрослой девушкой³⁶. Мы можем ви-

³⁵ Контрактура – состояние, при котором конечность не может быть полностью согнута или разогнута.

³⁶ Сам Брейер так описывает ее симптомы: «Течение болезни распадается на несколько легко выделяемых фаз; таковыми будут следующие: А) Латентный инкубационный период, время зарождения болезни; он занял примерно полгода, с середины 1880 до приблизительно 10 декабря. <...> В) Проявившееся (манифестное) заболевание выдало себя особого рода психозом, парафазией (паралией), конвергентным страбизмом (косоглазием), тяжелыми расстройствами зрения, контрактурами-параличами, полностью захватившими правую верхнюю и обе нижние конечности, а частично еще и левую верхнюю, парезом (ослаблением двигательных функций) затылочных мышц. Постепенное уменьшение контрактуры правосторонних конечностей. Некоторое улучшение, прерванное пережитой в апреле тяжелой психической травмой в результате смерти отца. За этой фазой следует: С) Период продолжительного сомнамбулизма, позднее начавшего чередоваться с нормальным состоянием сознания. Сохранение симптомов до декабря 1881 года. D) Постепенное исчезновение указанных патологических состояний и феноменов (период, длившийся до июня 1882 года)» (*Брейер, Й. Случай Анны О.* [Электронный ресурс] // URL: <https://psychic.ru/articles/>

деть, как из зерна травмы выросла разветвленная картина симптомов: из онемения руки – нервный паралич конечностей, из просонного состояния – путаница в восприятии реальности, времени (из остатков сна – галлюцинации), и даже два состояния сознания – как ночное и дневное. Симптомы ухудшались, пока не происходила терапевтическая беседа и корень симптома не находился. Так продвигалось лечение – лечение выговариванием.

Если попытаться представить себе картину поведения Анны О. в период болезни, то яркость всех проявлений ее состояния вполне была бы соотносима с триллером об одержимости дьяволом, только вместо священника там был бы психиатр. Она разве что не зависала в воздухе, но все остальное сделало бы фильму хорошую кассу. Тем интереснее, что в своих записях подопечная дает всему произошедшему определение: «Она играла с ними в женские игры». Что бы это ни значило, состояние Анны О. ухудшилось после того, как ее лишили возможности дежурить ночами в комнате отца, а во время обострения симптомов ежедневно (после переезда на дачу – один-два раза в неделю) беседовал мужчина-врач Брейер. В историю этот случай также внес мужчина, Фрейд. Женщина «играет в какие-то игры» с мужчиной, иногда это приводит к психозу и тяжелым конверсионным симптомам³⁷. Удивительно, что Брейер парадоксальным об-

разом вытесняет сексуальный компонент в поведении Анны О., отмечая отдельно «полное отсутствие каких-либо сексуальных интересов; больная, в жизни которой я был настолько хорошо осведомлен, как вряд ли это было доступно кому другому, никогда не испытывала в жизни любви». Это при том, что завершение лечения сопровождалось галлюциаторным появлением ребенка от доктора Брейера. Жена Брейера оказалась здесь чувствительнее, испытывая ревность. И только Фрейд сказал прямо, что у истерии должны быть сексуальные корни. Поскольку прямой и естественный путь для сексуальности по каким-то причинам оказывается закрыт, на сцену выдвигаются самые яркие, пугающие, но и привлекающие особое внимание «декорации» (не только симптомы, но и формы сублимации – заставляющие писать статьи, делать доклады... открывать психоанализ). В случае Анны О. симптомы, иллюстрирующие главный ее фантазм, таковы: после ночей у постели отца появляется «ребенок» от врача (заместителя отца). Этого «ребенка» Брейер отвергает, и Анна О., Берта Паппенгейм, навсегда разворачивается в сторону женщины³⁸.

Сексуальность и одиночество

«Я относился к моим открытиям как к более или менее безразличному научному материалу и рассчитывал встре-

³⁸ В дальнейшем Берта Паппенгейм занималась активной социальной деятельностью, была феминисткой, помогая женщинам (Иудейский союз женщин).

тить такое же отношение и со стороны других. Только тишина, воцарившаяся после моих докладов, пустота, образовавшаяся вокруг меня, намеки в мой адрес заставили меня мало-помалу понять, что если утверждаешь, что сексуальность играет определенную роль в этиологии неврозов, то не рассчитывай на такое же отношение к себе, как при других научных докладах. Я понял, что с этого времени я принадлежал к тому сорту людей, которые, по выражению Геббеля, „нарушили покой мира“. <...> Я решился поверить, что на мою долю выпало счастье открыть соотношения особенно важного значения, и нашел в себе готовность подвергнуться участи, которая иногда связана с подобным открытием»³⁹, – так описывает Фрейд ситуацию, сложившуюся для него неприятным образом с самых его первых психоаналитических открытий. Эрнест Джонс, его биограф, лично знавший Фрейда много лет, описывает его скорее как смущающегося и деликатного человека, не имевшего желания манифестировать идею сексуальности плакатно. Время первых идей Фрейда было довольно-таки далеко от случившейся в XX веке сексуальной революции, поэтому нам, наверное, сложно сейчас представить, насколько трудно было ему говорить о том, что для нас является вполне естественным, с каким культурным сопротивлением он столкнулся. Хотя и сейчас, и всегда – о сексуальности говорить сложно. Но Фрейд не отступал. Он уже хорошо знал цену «быстрым сенсационным откры-

³⁹ Джонс, Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. С. 153–154.

тиям»⁴⁰, потому, обжегшись на молоке, к этиологии неврозов подходил медленно и основательно, проверяя в теории и доказывая на практике каждый шаг своего исследования.

Это интересно, что, к примеру, нас совершенно не задевает дантовская *L'amor che move il sole e l'altre stelle*⁴¹, но так или иначе фрустрирует фрейдовская теория либидо. Хотя Фрейд всего лишь взял давно известную и принятую идею любви (начиная с платоновского учения об Эросе) и просто-напросто приблизил ее к реальности человеческой жизни и субъективных переживаний. Да, возможно, идея идеализированной любви, видимой философами где-то далеко и высоко, не так нас смущала, как собственная вполне реальная сексуальность, наполненная страстями. Но если любовь движет всей Вселенной, почему она не должна руководить и нашими психическими процессами? Весь психоанализ – о любви, потому что сексуальность – тоже о любви в очень разных ее формах, не только зрелых, но и инфантильных, вытесняемых, изгоняемых из сознания культурного человека.

Будучи ученым и практиком, Фрейд делал свои открытия, именно наблюдая за симптомами пациентов и внимательно слушая последних. Что уж тут поделать, если так или иначе большинство симптомов разрешалось, когда прояснялся их

⁴⁰ Напомню, что история с лечебным действием листьев коки чуть ли не полностью уничтожила его репутацию.

⁴¹ Финальная строка «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Любовь, что движет Солнце и светила» (в пер. М. Лозинского).

скрытый сексуальный компонент? Просто до Фрейда никто ясно это слышать как будто бы не хотел. Первые пациентки – в основном это были женщины – и самоанализ открыли Фрейду то, что он назвал психоанализом: эдипов конфликт, теорию влечений и инфантильную сексуальность. Когда Эмми фон М. (Фанни Мозер) произнесла на сеансе: «Оставайтесь на месте! Не говорите ничего! Не трогайте меня!»⁴² – метод был окончательно сформирован. Наблюдая за этой пациенткой, ассоциировавшей достаточно свободно без надавливания на лоб, без помогающих (внедряющихся по ее ощущениям) вопросов аналитика, Фрейд постепенно отказался от рудиментов гипнотического внушения и со всеми остальными пациентами, дав им свободу символизировать так, как ведет их бессознательное.

⁴² Жан-Мишель Кинодо приводит такие слова Фрейда о пациентке: «Все происходит так, как если бы она усвоила мой метод; она, по всей видимости, использует эту беседу, при ее кажущейся бессвязности, вместо гипноза» (Кинодо, Ж.-М. Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе / Пер. с фр. О. Я. Журавлева. М.: Когито-Центр, 2012. С. 32–33).

И сном окружена...⁴³

Как уже говорилось выше, настоящим прорывом для Фрейда стала работа над «Толкованием сновидений» – книгой, к которой он возвращался на протяжении двадцати лет, добавляя, корректируя что-то в этом тексте, книгой, которая стала некой картой и путеводителем по самым сложным и неизведанным до того лабиринтам психики. Именно здесь Фрейд впервые описал строение психического аппарата и предложил первую (топографическую) модель психики – так, как если бы ее действительно можно было картографировать и «путешествовать» из бодрствующего сознания в предсознательное и бессознательное. Труд встретили в целом холодно (хотя другого Фрейд, кажется, и не ожидал), однако тогда же у новой науки появляются верные последователи – «первый цвет древа» психоанализа, которое ко второй половине XX века разрослось богатой и ветвистой «кроной». Книгу Фрейд начинает подробным историческим разбором понимания сновидений и отношения к ним, чтобы определить место психоаналитической работы с самой загадочной, пожалуй, стороной нашей жизни. И по сей день отношение к снам разнообразно: мы не утратили архаического взгляда на сны – как на путь к чему-то «мистическому», сон

⁴³ «Мы созданы из вещества того же, / Что наши сны. И сном окружена / Вся наша маленькая жизнь» (У. Шекспир. «Буря» (пер. М. Донского)).

все еще вписан в систему суеверий; но, с другой стороны, распространен взгляд на сновидческую деятельность как на бессмысленную и в целом бесполезную (взгляд, господствовавший во времена Фрейда). Так или иначе половину жизни мы проводим во сне и присутствуем там именно психически, фантазийно. Чем, если не сном, должен был заняться психоанализ в первую очередь?

У лап Сфинкса

В далеком XIV веке до н. э. амбициозный юноша Тутмос IV, один из многочисленных детей Аменхотепа II, задремал под полуденным солнцем в тени лап Сфинкса. Где-то там, на границе сна и яви, он услышал, как древнее божество Хор-эм-ахет-Хепри-Ра-Атум⁴⁴ обращается к нему, обещающая царствование, но прося расчистить песок, который уже почти укрыл его лапы. Проснувшись, Тутмос спешит сообщить о сакральном сне, который должен почти что гарантировать ему право на наследование престола, позволив обойти множество конкурентов (у Аменхотепа было более сотни наложниц и очень, очень много детей). История о судьбоносной встрече со Сфинксом еще пригодится нам, когда мы

⁴⁴ Имя его (Hор-em-akhet-Kheperi-Ra-Atum), воплощенное в аллегории Сфинкса, означает: Гор на небосклоне (Гор – хранитель горизонта), утреннее солнце, солнце в зените и вечернее солнце. Об этом см. в: *Hassan, S. The Great Sphinx and its secrets. Historical studies in the light of recent excavations / Dr. Selim Hassan. Government press, Cairo. 1953. P. 15.* (*Хассан, С. Великий Сфинкс и его тайны. Исторические исследования в свете недавних раскопок*).

будем говорить об эдиповом конфликте. А Тутмос – он действительно становится следующим царем и, утверждая свое сакральное право, ставит между лап Сфинкса «Стелу снов» с описанием «того самого» сна. Конечно, как считают египтологи, песок у лап Сфинкса в Гизе был расчищен намного раньше правления Тутмоса IV, и мы можем опустить историю дворцовых интриг (и убийств конкурентов за власть), однако сама эта скорее рукотворная легенда свидетельствует об особом отношении к снам в древности и, в частности, в Египте – настоящей колыбели цивилизации.

За более чем четырехтысячелетнюю историю египетской цивилизации отношение к сновидениям менялось, хотя их сакральная составляющая оставалась неизменной. «Как и смерть, сон был мостом в иной мир, в глубины предвечного океана Нуна, где обитали не только боги и умершие, но и спящие»⁴⁵. В чем же заключались изменения? Так происходит с любой, даже самой великой культурой – постепенно она профанируется, из нее уходит что-то, что мы назвали бы «дух», оставляя власть «букве». Вот и Египет, начав с отношения к сну как к индивидуальному способу войти в контакт с божеством – способу, доступному любому желающему, особенно если он пришел в священное храмовое место для ритуала «инкубации», погружения в сновидение, заканчивает эту традицию сонниками и общеприменимыми толкованиями снов. Египетская религиозная культура росла из

⁴⁵ Солкин, В. Столпы небес. Сокровенный Египет. М.: Вече, 2006. С. 207.

откровения индивидуального мистического опыта. То есть любой, вне зависимости от социального положения и профессии, увидевший во сне божество, сообщившее ему о чем-то, мог настаивать, что его сон – откровение для всех. Из таких индивидуальных и, как бы мы сейчас сказали, субъективных откровений и выросла сложнейшая египетская генотеистическая⁴⁶ религия. На ее закате живая сакральная составляющая уже оказалась узурпирована держащими в руках религиозную власть. Без сонника и толкователя египтянин не мог понять, о чем ему «сообщает» его сновидение.

Почему это важно для нас и при чем тут Фрейд? Не специально, но Фрейд проделал обратный путь, вернув сну право быть субъективным переживанием, а не общеупотребимой метафорой, вернув право каждому сновидцу быть агентом откровения – но в данном случае уже откровения бессознательного. Сонник не может знать о содержании вашей психики, только вы владеете ключами к открытию смыслов, а аналитик лишь помогает вам подобрать ключ к нужной двери, не внося собственные или какие бы то ни было другие смыслы в ваш сон. Конечно, речь уже не шла об общении с богами – на место древних богов пришло Бессознательное (даль-

⁴⁶ Генотеизм (от греч. ἑνός, форма, εἷς, один, + θεός, бог) – термин Макса Мюллера, обозначающий состояние религиозного сознания, при котором из пантеона многочисленных божеств выделяется один самый могущественный бог. Генотеизм – это не единобожие, поскольку выделение одного бога не исключает поклонения другим богам пантеона. Он, как известно, занимает промежуточное положение между политеизмом и монотеизмом.

ше мы поговорим подробнее, почему оно иногда пишется с заглавной буквы «Б»).

Толкование: между Сциллой и Харибдой

В начале «Толкования сновидений» Фрейд пишет, что ему придется пройти между Сциллой и Харибдой, чтобы найти именно психоаналитическое понимание сновидения. Под этими двумя архаическими чудовищами Фрейд имел в виду толкование снов по сонникам всех мастей (а после заката Египта традиция такого авторитарного толкования бытовала везде и всюду) и медицинский, времен Фрейда, взгляд на сны как бесполезную и утомляющую деятельность мозга. В общем, одно чудовище – мистический авторитаризм, второе – научный нигилизм. Добрую треть книги заняла борьба с этими чудовищами, которые и не думали сдаваться (что говорить, их оппонирующие реплики мы слышим до сих пор).

Конечно, Фрейд не смог бы осуществить это виртуозное «плавание»⁴⁷ без достаточно крепкой лодки. Ею стала теория либидо и инфантильной сексуальности. То есть Фрейд искал в сновидении то, что максимально вытеснено, отдалено от нашего сознания и может найти дорогу обратно только в более свободном пространстве сновидения. А это, к примеру, – сексуальный акт, деторождение, половые органы, раз-

⁴⁷ Напомню, что Сцилла и Харибда – античные морские чудовища, пожиравшие мореплавателей, если только последние не находили идеального равноудаленного пути между ними.

ница полов и т. д. Здесь возникает вопрос: как можно опровергнуть метод толкования снов, предложив... еще одно толкование? Избегая ответа «это – другое», здесь придется кое-что объяснить.

Поскольку психоанализ рождался из клиники, то есть лечения реальных пациентов, теория шла вслед за практикой. Практика же выявляла один за другим психические феномены – но не в алфавитном порядке, как нам всем было бы удобно, а в порядке от более яркого и болезненного к менее яркому. Так, Фрейд прежде всего заметил вытеснение (мы поговорим о нем подробнее позже), с помощью которого из сознания надолго удаляются неприятные, неуместные, некультурные воспоминания и ассоциации, большая часть которых связана с сексуальностью и агрессией. Почему так? Таково требование культуры. Говорить о самом интимном (о сексуальности) открыто – некультурно, так не принято. А чтобы закрепить требование культуры, об этом (о сексе) лучше и вовсе перестать думать (так, во всяком случае, было в конце XIX – начале XX века). Добавьте сюда традиционно негативное отношение религии к сексу (точнее, к блудной страсти) и новозаветное: «Я же говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5: 28), и станет в целом ясно, почему сексуальное происхождение наших страхов, конфликтов и комплексов – не первое, что приходит нам в голову.

Быть открыто агрессивным тоже не слишком-то культурно. Мы, конечно, редко подставляем вторую щеку обидчику, но и избегаем проявлений ненависти к тем, чье мнение для нас важно. Старые запреты в смягченной форме крепко вписаны в нашу бытовую и социальную культуру. И это само по себе замечательно, что культура диктует! Но, придя в психоаналитический кабинет, вы вынуждены отделять требование культуры от внутренних бурлящих бессознательных желаний, которые все еще там, несмотря на внешний блеск «социально приемлемого Я».

Так почему же Фрейд предложил еще одно толкование, включающее сексуальность? Потому что, при всей нашей субъективности, мы не отделены от культуры, которая укладывает нас в прокрустово ложе ограничений. Мы обязаны вытеснять запретные желания, чтобы быть культурными (и заодно – быть невротиками при неудачном вытеснении). А самые запретные – желания сексуальные и агрессивные. И путь им в сознание заказан, если только они не пролезут в замаскированном виде на некую пограничную территорию, каковой и является сновидение – *duty free* психической жизни, не облагаемое культурной пошлиной. Ведь обо всем, что случилось во сне, мы можем сказать: «Какая глупость!», или «Какой странный сон!», или «Мне бы и в голову такого поворота не пришло!» – и так одновременно признать и отвергнуть свое сновидение.

Но сексуальность и агрессивность – далеко не единствен-

ное, что содержат наши сновидения, и для понимания всего остального как раз-таки и нужны индивидуальные ключи (или отмычки), которых вы никогда не найдете в сонниках и голове аналитика. Об этом Фрейд не устает повторять.

Работа сновидения

Внутри каждого из нас живет довольно амбициозный режиссер, который в то время, когда мы засыпаем, предлагает посмотреть что-то фантастически интересное или более или менее удачное, а иногда и довольно сырое, смонтированное наспех, – то, что мы обычно называем сновидением. Амбициозен он потому, что считает, что лучше кого бы то ни было способен показать в метафорической и аллегорической форме все аспекты нашей внутренней жизни: переживания, конфликты, травмы, желания, мечты... Этот режиссер – наше «сновидческое Я»⁴⁸. Откуда он черпает вдохновение? Фрейд говорит о нескольких источниках сновидения, среди которых: дневные остатки, соматические возбуждения и, самое интересное, вытесненные содержания, пробирающиеся в сон под разными масками – в том числе знакомых вам людей, незнакомцев или собирательных персонажей, попавших вместе с вами (или без) в ту или иную ситуацию сновидения. Дневные остатки – это в прямом смысле остатки

⁴⁸ О сложности понимания психоаналитической концепции Я мы поговорим отдельно, поскольку для этой довольно многочисленной «группы артистов» нужно отдельное место – и на психической сцене, и в книге.

событий и впечатлений за день. Соматические возбуждения проще всего объяснить всем понятным примером: вы видите воду в любой ее возможной форме и количестве, когда вам на самом деле хочется в туалет. Маской же может быть все что угодно. Возвращаясь к сексуальности: вы видите во сне, к примеру, сделку по слиянию компаний – что может быть маской для иного слияния, любовного, которого вы опасаетесь или желаете, но боитесь. Или ровно наоборот! Вы видите сексуальную сцену, и она будет маской для вашей ситуации на работе (слияние компаний, которое может стоить вам должности), о которой вы не хотите или боитесь думать, – но во сне это слияние окрашивается удовольствием без всяких неприятных переживаний.

То или другое – в сон входит то содержание, которое вытесняется по самым разным причинам, главная из которых: это неприятно. Зачем оно возвращается? Чтобы сновидение проделало свою работу – по психизации, репарации, принятию того, что изгоняется из сознания и создает бессознательное напряжение. Как? Может быть, сновидение должно быть назидательным и педагогичным, чтобы объяснить вам, что можно вытеснять, а что нельзя? Вовсе нет. Фрейд говорит, что сновидение – это исполнение желания. Всегда, за некоторыми исключениями (о них мы поговорим в связи с травмой и процессом психической дезорганизации). Даже если сюжет максимально замысловат. В двух примерах выше все просто: в первом случае запретное желание сексуального слия-

ния подается под соусом выгоды от слияния компаний и четких правил, понятной последовательности действий, законности, обоюдного желания сторон, что исключает все возможные тревоги и страхи в этом процессе. Во втором случае неприятная и тревожащая рабочая ситуация оборачивается удовольствием и страстью, а также доверием между партнерами в любовном акте. Желание здесь – слиться так же приятно и гармонично, как это бывает в постели.

На простых примерах все вроде бы понятно, но наши сны могут быть намного сложнее и запутаннее, конечно. Интересно, что, анализируя свои сны в психоаналитическом ключе, можно найти и понять свой способ символизировать, то есть в каком-то смысле составить свой собственный «сонник»! В целом работа сновидения довольно творческая и мало чем отличается от написания книги или работы над сценарием. В частности, одним из методов сновидения является «драматизация», то есть создание какого-то сюжета сна из вашего (обычно – бессюжетного) внутреннего конфликта. Другим методом будет «смещение» – когда вместо реального человека, источника ваших переживаний, вы увидите во сне... начальника, подругу, случайного встречного. Еще один метод – «сгущение», как в «Женитьбе» Гоголя: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколь-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...» – и получается персонаж,

о котором можно говорить несколько сеансов с аналитиком, чтобы распутать этот образный клубок. Подробнее обо всем этом вы можете узнать в «Толковании сновидений» – эту книгу Фрейд писал так, чтобы ее мог прочесть любой интересующийся психоанализом.

«Королевская дорога к бессознательному» – но к какому?

Как известно, именно в «Толковании сновидений» Фрейд назвал сон «королевской дорогой к бессознательному»⁴⁹. По сравнению с оговорками, описками, ослышками и ошибочными действиями сновидение обладает куда большим размахом и свободой для проявления бессознательных желаний и фантазий. Ближе к сновидению стоят свободные ассоциации на сеансе психоанализа, но они в большей степени ограничены цензурой, поэтому свободными ассоциациями приходится «идти в обход». Да, и в сновидениях есть психическая цензура, своего рода таможня, но есть и работа сновидения, чтобы творчески, по-королевски пройти через нее зеленым коридором. Мы не выдумываем сновидения сознательно, они скорее случаются с нами. Мы говорим «я видел во сне», а не «я придумал». Может быть, именно это свойство сновидений (признание авторства, но и отчуждение

⁴⁹ Королевская (Царская) дорога (Via Regia) – один из древнейших торговых маршрутов в истории, который вел из Египта вдоль Иордана через Дамаск в Месопотамию и Персию. Именно этой дорогой хотел пройти Моисей с израильским народом, выходя из Египта.

его одновременно) и позволило древним воспринимать сон как нечто привнесенное извне. Но и древние понимали, что во сне совершают какое-то таинственное путешествие. Понимаем ли мы его как путешествие в далекие миры или по направлению к не менее таинственному бессознательному – это все вопрос нашей картины мира и «языка», на котором мы говорим (мифологический, мистический, научный, художественный, психоаналитический... – их много). Можем ли мы сказать, что и боги, и демоны – обитатели бессознательного? Таково было убеждение Фрейда, подкрепленное шекспировским «Ад пуст, все бесы здесь»⁵⁰.

Фрейда считают оппонентом Карла Густава Юнга в вопросе о бессознательном, поскольку Юнг говорил о «коллективном бессознательном» и больше склонялся к мистическому толкованию тех или иных феноменов, а Фрейд был в этом смысле скептичен. Да, Фрейду как ученому был присущ скепсис, позволяющий беспристрастно анализировать психические феномены, однако исторически Фрейд и Юнг вместе работали над анализом бессознательных содержаний, и именно Фрейду принадлежит идея о «филогенетическом наследии», которое каждый из нас несет как память поколений. В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд пишет: «Мы поставлены перед фактом, что сновидец располагает символическими способами выражения, которые он не знает и не может узнать в бодрствовании. Это столь же поразительно,

⁵⁰ Hell is empty, and all the devils are here (У. Шекспир. «Буря»).

как если бы вы обнаружили, что ваша служанка понимает санскрит, хотя вам известно, что она родилась в богемской деревне и никогда его не учила»⁵¹. Фрейд делал предположения, объясняя такое наследование «способов символического выражения» (а проще говоря, совпадение значений сюжетов и символов в сновидениях разных людей, представителей разных культур) всеобщностью языковой символики и гипотезой о том, что все языки так или иначе формируются похожим путем, а возможно, у них есть и «общий предок». Однако однозначно ясного ответа на этот вопрос он не нашел, лишь констатировав, что индивидуальное бессознательное не может быть оторвано от родительских бессознательных, семьи, поколений, культуры и человеческого вида в целом.

Фрейду также принадлежат слова: «Там, где было Оно, должно стать Я»⁵². Однако важно верно понимать, что он мог иметь в виду, ведь Оно (бессознательное) хоть и влияет на нашу жизнь, однако остается до конца не познанным и недостижимым. Древние предостерегали от попытки выведать священное знание, не будучи к этому готовым, – за такое можно было расплатиться рассудком. Если перевести

⁵¹ Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 20. Лекции по введению в психоанализ. Т. 21. Новый цикл лекций по введению в психоанализ / Пер. с нем. А. Боковинова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2021. С. 169.

⁵² *Wo es war, soll ich werden* (нем.) – максима, завершающая тридцать первую лекцию по введению в психоанализ (Фрейд, З. Новый цикл лекций по введению в психоанализ. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 20. С. 545).

это на современный язык, штурм бессознательного как психической инстанции может быть опасен для психического здоровья того, кто самонадеян, но не готов к встрече с самым архаическим пластом нашей психики. Завершая вышеуказанными словами лекцию о разделении, расщеплении Я (о многоликости Я, о связанных с ним других инстанциях психики и о патологических расколах Я), Фрейд говорит о культурной работе, подобной осушению Зейдерзее – залива в Нидерландах, часть которого как раз в этот период (1932) было решено осушить из-за частых наводнений, уносивших жизни людей. Завоевание территорий бессознательного (насколько это возможно и представимо) оправдано тогда, когда мы имеем дело с причиняющим страдания симптомом – то есть тогда, когда содержание бессознательного зашло (!) на не принадлежащие ему территории. В остальных случаях мы остаемся скорее «туристами», не нарушающими порядки той местности, по которой путешествуем, лишь расширяя свой кругозор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.